

Спецзаписка ОГПУ «Об откликах писателей на помощь, оказанную правительством сыну писателя М. Е. Салтыкова-Щедрина»¹

В ленинградских писательских кругах с необычайной быстротой распространились и в течение долгого времени обсуждались и комментировались сведения о помощи, оказанной советским правительством сыну писателя Салтыкова-Щедрина. История с этой помощью настолько заинтересовала писательские круги, что на некоторое время отодвинула все иные злободневные для литературной среды вопросы, став в полном смысле слова сенсацией дня. История с помощью передавалась всякий раз в одном и том же варианте, лишь с незначительными отклонениями в деталях, причем отдельные писатели, желая наиболее точно выяснить обстоятельства дела, перепроверяли переданное им сообщение у самого Салтыкова.

Факт помощи сыну Салтыкова-Щедрина в массе писателей-попутчиков комментировался весьма сочувственно, причем этот факт неизменно связывался с вопросом об отношении партии к интеллигенции. Оказывалось, что этот факт сам по себе лишний раз показывает изменение политики к интеллигенции в сторону наибольшего смягчения.

Попутчик Козаков высказался по этому поводу следующим образом:

«Теперь уже становится общеизвестно, что такие истории, как с Салтыковым или несколько ранее с Булгаковым, – факты далеко не случайного порядка и имеют место в связи с признанием Сталиным за старой интеллигенцией большого значения в культурной жизни страны. И, хотя Сталину приходится преодолевать недружелюбное отношение к интеллигенции многих членов ЦК, сохранивших еще старую закваску, Сталин проводит свою линию упрямо и решительно».

Писатель А. Н. Толстой говорит:

«Я восхищен Сталиным и все больше проникаюсь к нему чувством огромного уважения. Мои личные беседы со Сталиным убедили меня в том, что это человек исключительно прямолинейный. Иные недоверчивые хлюсты пытаются представить историю с Салтыковым, как очередной подвох большевиков. Но ведь здесь-то уже никак нельзя думать о специально продуманном подкупе кого-то. Салтыков – ни на что не годная развалина, и помощь ему единственно может быть объяснена тем, что в Советской России заботливо относятся к памяти и заслугам великих людей».

Литературный критик Медведев:

«Подобные истории с Салтыковым факты выдают, как это и ни странно может показаться на первый взгляд, вторую сущность Сталина, прежде всего, решительнейшего и сурового политика: сущность его, как большого либерала и мецената в самом лучшем смысле этого слова. Каждый день мы слышим то о беседе Сталина с писателями, то о какой-нибудь помощи, оказанной по его указанию кому-либо из массы литераторов. Литература и писатели имеют в лице Сталина большого друга».

Одновременно с выявлением характера широкого обмена мнений в связи с помощью Салтыкову выяснилось, что отдельные литераторы, отмечая необычайный эффект имевших место тех или иных обращений писателей с просьбами к т. Сталину (отъезд Замятина за границу, история с Булгаковым и т. д.), сами намереваются обратиться к последнему с некоторыми прошениями. Литераторы Эйхенбаум, Н. Радлов, Зощенко предполагают обратиться персонально к т. Сталину за разрешением выехать за границу. Детский писатель К. Чуковский, которого, в связи со статьями Крупской², более не печатают, – за разрешением печататься, писатель Тынянов – с просьбой повлиять на критику с тем, чтобы последняя прекратила бы травлю его и т. д.

В связи с отмеченными разговорами передавалась, между прочим, версия, что писатель Пильняк письмом к т. Сталину добился прекращения начатой против него травли и напечатания в ц[ентральном] о[ргане] «Правде» извинительного письма, а также разрешения на новую поездку за границу.

В кругах правых писателей, в частности, в салоне Иванова-Разумника, сообщение об оказании помощи сыну писателя Салтыкова-Щедрина было встречено с чувством большого недоверия и весьма злобно комментировалось.

Иванов-Разумник, Шишков и Петров-Водкин высказали по этому поводу следующую точку зрения:

«Во всех этих историях звучат какие-то мотивы восточной деспотии. Необходимо сопоставить со всеми этими историями то страшное значение и силу, которые имеют каждое высказанное Сталиным слово, что делает его власть значительно более мощной, чем власть даже самого неограниченного восточного деспота, ибо там власть материальная, физическая, а здесь сверх того и власть над умами, над малейшим проявлением свободной мысли. В связи с этим приобретают особый характерный исторический смысл все эти разговоры о сказочных превращениях в судьбах отдельных людей под влиянием одного слова вождя»³.

Оперуполномочен[ный] 4 Отд[еления] СПО *Коган*

Март 1932 г.

Примечания

¹ Экземпляр данной записки был направлен руководством ОГПУ в ЦК ВКП (б) для ознакомления Сталина.

² 1 февраля 1928 г. в «Правде» была опубликована статья Н. К. Крупской «О „Крокодиле“ К. Чуковского», в которой эта сказка была объявлена «буржуазностью». Н. К. Крупская осудила и работы К. И. Чуковского о Н. А. Некрасове за то, что «Чуковский ненавидит Некрасова». Результатом статьи явился запрет изданий всех детских книг К. И. Чуковского.

³ В связи с решением властей оказать помощь сыну М. Е. Салтыкова-Щедрина примечательным является наблюдение Е. С. Громова о том, что Сталин внимательнейшим образом прочел вышедшую в 1931 г. книгу «Неиздан-

ный Щедрин» и оставил на ее страницах множество собственноручных маргиналий. См.: Громов Е. Сталин: власть и искусство. М. 1998. С. 145.

Спецзаписка ОГПУ «Об откликах писателей на помощь, оказанную правительством сыну писателя М. Е. Салтыкова-Щедрина», март 1932 г. // Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП (б) – ВКП (б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике, 1917–1953 гг. М., 2002. С. 170–171.